

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ШОКИРУЮЩЕ ▶

Отзывы о книге
«Мы вынуждены сообщить вам,
что завтра нас и нашу
семью убьют»

«С мест массовых убийств в Африке молодой Филипп Гуревич ведет репортаж, который характеризует его как главного преемника немногих великих корреспондентов, рисковавших своей жизнью и безопасностью, дабы донести мрачные истины до мира, не желающего их знать. Подобно величайшим военным журналистам, он поднимает у самых врат преисподней знамя человечности — символ здравого смысла, спокойного нравственного авторитета, блестящего юмора. Он обладает умом ученого наряду с наблюдательностью хорошего романиста, а уж пишет — божественно. Эта книга рекомендует его как автора, равного Майклу Герру, Рышарду Капуцинскому и Тобиасу Вулфу. Полагаю, нет пределов тому, что мы можем от него ожидать».

Роберт Стоун

«Замечательная... пламенная и авторитетная работа. Гуревич сочетает бесстрастный и обоснованный отчет о руандийской катастрофе с размышлениями о ее духовной значимости».

Дэвид Рифф, *The New Republic*

«Важная веха в зарубежном репортаже, хроника зла, которой найдется мало равных со времен «Сердца тьмы» Джозефа Конрада... Захватывающее повествование [Гуревича] следовало бы ввести в программу обязательного чтения».

Джонатан Рэндол, *The Washington Post Book World*

«Ошеломительно... После прочтения этой незабываемой книги уже невозможно по-старому относиться к человеческим обществам, людям и себе».

Рональд Стил

«Книга Гуревича входит в число лучших образцов журналистики нравственного свидетельства».

Ланс Морроу, *Time*

«Захватывающе!»

Джеффри Уиткрофт, *The Wall Street Journal*

«Потрясающий анализ происхождения геноцида, бесчеловечных ужасов, которые могут стать результатом политической манипуляции и извращенной мифологии. Книга Гуревича — это мощное обвинительное заключение равнодушию, упорствованию в заблуждениях и трусости так называемых великих держав и возглавляемых ими международных организаций при столкновении с геноцидом в маленькой далекой стране».

Сэр Брайан Уркхарт

«Шокирующий и важный... ясный и уравновешенный... тон этой книги тщательно выверен и человечен».

Майкл Пирсон,
Atlanta Journal-Constitution

«Поразительно... [Гуревич] мастерски вкладывает рассказ о чудовищности массовых убийств в уста живых людей и населяет его правдивыми жизненными историями».

Марк Гевиссер, *Newsday*

«Суровое, но прекрасное нравственное суждение».

The New Yorker

«Вдумчивая, прекрасно написанная и значительная... та самая книга, которую хочется не просто дать почитать друзьям, но и настоять на ее прочтении, потому что содержащиеся в ней сведения безмерно важны».

Франсин Проуз, *Elle*

«Необычайно... насыщенное произведение... Гуревич — нравственно чуткий автор, и лучше всего у него получается выслушивать обычных руандийцев, особенно переживших геноцид, и стараться осмыслить их истории. Эти голоса пронизывают книгу и настойчиво преследуют читателя после ее прочтения».

Джордж Пэкер, *The Nation*

«Литературная журналистика в своем лучшем проявлении».

Джон Корри, *The American Spectator*

«Изумительная хроника... Автор книги берется за невообразимое и делает его ужасающе, неотвратимо реальным. По одной только этой причине книгу следовало бы прочесть самой широкой аудитории».

Майкл Марен,
The Village Voice Literary Supplement

Моим родителям

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	13
----------------	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	23
Глава 2	38
Глава 3	48
Глава 4	69
Глава 5	94
Глава 6	113
Глава 7	129
Глава 8	155
Глава 9	168
Глава 10	202
Глава 11	223

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 12	263
Глава 13	275
Глава 14	311
Глава 15	339
Глава 16	362
Глава 17	384
Глава 18	414
Глава 19	436
Глава 20	454
Глава 21	481
Глава 22	512
Благодарности	530

Децимация означает убийство каждого десятого жителя — и за весну и начало лета 1994 г. программа массовых убийств сократила население Республики Руанда на одну десятую. Хотя это истребление было «низкотехнологичным» — в основном убивали с помощью мачете, — проведено оно было с головокружительной быстротой: из прежнего числа жителей, составлявшего около 7,5 миллиона, по крайней мере 800 тысяч человек были убиты за каких-то сто дней. Сами руандийцы нередко говорят о миллионе смертей — и, возможно, их сведения точнее. Это было наиболее эффективное массовое истребление со времен бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

ВВЕДЕНИЕ

В небольшом южном горном городе Гиконгоро вечером отключили электричество; бар «Гест Хаус» был освещен полудюжиной свечей, и в глазах трех солдат, пригласивших меня выпить пива, метались блики оттенка красного апельсина. Единственный бокал передавался по кругу, и мне предстояло отпить из него последним — ритуал, показывающий, что травить гостя не собираются. Солдаты были слишком пьяны для беседы, но затесавшийся в их компанию штатский, мужчина в блестящем черном тренировочном костюме, похоже, был полон решимости продемонстрировать свою трезвость. Он сидел с напряженно выпрямленной спиной, сложив руки на груди, и глаза его застыли в жестком прищуре, высокомерном и оценивающем. Он спросил, как меня зовут, на жестком, невыразительном «роботизированном» английском, точно и резко выговаривая каждый слог.

Я ответил:

— Филипп.

— Ага! — Он сжал мою ладонь. — Как у Чарльза Диккенса.

— Там был Пип, — поправил я.

— «Большие надежды», — старательно выговорил он. Выпустил мою руку. Поджал губы и уставился на меня серьезным, без тени юмора взглядом. — Я — пигмей из джунглей. Но я учился английскому у англиканского епископа.

Свое имя он так и не назвал. Солдат, сидевший рядом со мной, который все клонился вперед, опираясь на магазин своего автомата, перевернутого «кверху брюхом», вдруг задремал и сложился пополам, потом вздрогнул, проснулся, улыбнулся и глотнул еще пива. Пигмей не обратил на него внимания.

— У меня есть убеждение, — объявил он. — Я верю в принцип хомо сапиенс. Ты меня понимаешь?

Я рискнул высказать догадку:

— Вы имеете в виду, что все человечество — единое целое?

— Такова моя теория, — кивнул пигмей. — Таков мой принцип. Но у меня есть проблема. Я должен жениться на белой женщине.

— Ну почему бы и нет... — пожал я плечами. Потом, немного подумав, добавил: — Но зачем, раз уж все мы одинаковы? Кому какое дело, какого цвета кожа у вашей жены?

— Она *должна* быть белой, — сказал пигмей. — Только белая женщина способна понять мой универсальный принцип хомо сапиенс. Я не должен жениться на *негритянке*. — Неподдельное отвращение, с которым он произнес последнее слово, побудило меня согласиться с ним (ради этой самой будущей жены). — Это моя проблема, — продолжал он. — Как мне достичь этой цели? У тебя

есть такая возможность. У меня — нет. — Он обвел взглядом темный, почти пустой зал и протянул вперед раскрытую ладонь. На его лице появилось кислое выражение привычной разочарованности, и он спросил: — Как мне познакомиться с белой женщиной? Как мне найти себе белую жену?

Его вопрос был не таким уж риторическим. Я вошел в этот бар вместе с одной датчанкой, которую потом потерял из виду; она ушла спать — но оставила по себе впечатление; полагаю, пигмей хотел, чтобы я свел его с ней.

— У меня есть идея, — сказал он. — Нидерланды. Тот епископ, мой учитель, объехал весь мир. По мне, Нидерланды — просто плод воображения. Но для меня это реально.

Я рассказываю об этом эпизоде здесь, в самом начале, потому что эта книга — о том, как люди воображают себя и друг друга, и о том, как мы воображаем себе свой мир. За год до моего знакомства с этим пигмеем руандийское правительство избрало новый политический курс, согласно которому всех представителей народности хуту (составляющей большинство населения страны) призвали убивать каждого, кто принадлежит к меньшинству тутси. Правительство и большинство его подданных воображали, что, истребив народ тутси, они смогут сделать мир лучше, и следствием стали массовые убийства.

Казалось, стоило нам только раз вообразить что-то, как это мгновенно навалилось на нас